

А.А. Васильев, О.В. Васильева, Д. Шпопер

АРХЕТИПЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: КОНСЕРВАТИВНАЯ ТРАКТОВКА

Аннотация. В статье анализируются архетипы российского правосознания через призму консервативной идеологии. Авторы доказывают глубокое социально-психологическое действие архетипов на поведение субъектов права. Среди архетипов российского правосознания исследуются правда, милосердие, соборность, добротолюбие и др.

Ключевые слова: правосознание, правовая психология, архетипы, менталитет, правда.

V.V. Vasilyev, O.V. Vasilyeva, D. Shoper

ARCHETYPES OF RUSSIAN LAW-AWARENESS: A CONSERVATIVE EXPLANATION

Abstract. The article analyzes the archetypes of the Russian legal consciousness through the prism of conservative ideology. The authors prove the profound socio-psychological effect of archetypes on the behavior of legal entities. Among the archetypes of the Russian legal conscience, truth, mercy, conciliarity, goodwill, and others are investigated.

Key words: legal consciousness, legal psychology, archetypes, mentality, truth.

Традиционная позитивистская установка на восприятие права как формальной системы правил не позволяет отдать должное внимание роли в регуляции человеческого поведения правосознанию, в особенности иррациональным компонентам – архетипам, менталитету, установкам, мифам и т.п. Как отмечают Э.В. Кузнецов и игумен Вениамин: «Внутренняя жизнь личности и тем более ее правовые оценки, эмоции, иллюзии с точки зрения господствующего правопонимания и насаждаемого всеобщего законопослушания представлялись чем-то второстепенным и малозначимым. В таких условиях происходит действительная деградация и разрушение правового сознания, его кризис. И заключается он не только в самой бессмысленности всей конструкции заостренного понятийного аппарата позитивистской теории права, но и в разрушении связи человеческого сознания с Бытием. Нам предстоит выработать критическое отношение к собственной интуиции, мнимой психологической самоочевидности, к исконному понятию справедливости. Следует осознать метафизическую значимость права» [3].

Наряду с функционированием охранительной правовой доктрины в качестве формального источника права, она оказывает непосредственное воздействие на волю и сознание субъектов права через интуитивный,

нравственно-психологический механизм. В таком случае воля субъекта права подчиняется не внешней писаной норме права, а добровольно следует интуитивно, совестно переживаемым принципам и ценностям. В таком интуитивном переживании правовой нормы, опирающейся на религиозно-нравственные убеждения, сочетается действие правовой доктрины в форме обычая и духовного, совестного акта человеческого духа.

К.С. Аксаков по этому поводу писал: «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный, и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственный ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель – устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства» [1].

О. Георгий Флоровский так охарактеризовал такой механизм регулирования поведения человека: «Если для человеческого поведения единственным и решающим регулятивом служит им воспринимаемая норма религиозного или нравственного закона, которая непосредственно внушает образ действия в каждом отдельном случае, – то сама собою отпадает юридическая регламентация жизни общеобязательными законами и постановлениями» [8].

Поскольку поведение человека определяется его внутренним, совестным переживанием высшей, религиозной нормы, постольку естественно, что охранители особое внимание обращали на роль традиции и старины как источников права. Старина закладывает в процессе воспитания личности в его душу стержневые нравственно-религиозные основы, формирующие его социальное поведение. Причем усвоенные в жизни ряда поколений принципы и ценности переходят в сферу бессознательную и тем самым безапелляционно принимаются душой человека как правильные, истинные начала его жизни. Совокупность подсознательных установок, стереотипов, ценностей, архетипов образуют менталитет народа, оказывающий серьезное влияние на поведение людей.

Традиционные правовые идеалы выступают архетипами – первообразами национального правосознания. Как убедительно доказал психолог К. Юнг в коллективном бессознательном общества заложены древние, неистребимые первоидеи, первосмыслы, передаваемые в ходе трансляции культурного опыта от одного поколения к другому. Такие архетипы сознания составляют необходимую часть духовности общества. В немалой степени такие первообразы служат основой для преемственности, сохраняя культурную идентичность народа в исторической перспективе, несмотря на революции, модернизации и другие резкие изменения в обществе.

Архетипы выступают сами по себе средством регуляции социального поведения, создают гарантию органического и стабильного общественного

развития. Забвение национальных архетипов означает гибель национальной культуры, утрату собственной идентичности [5]. В своей диссертации М.Г. Тюрин так определяет правовые архетипы: «Архетипом национальной правовой культуры, или правовым архетипом, является воспроизводимый из поколения в поколение первичный правовой образ, возникающий под влиянием культов, верований, мифологии и религиозных ценностей, обуславливающий понимание правовых норм, юридически значимых поступков и отношений, задающий типизированный шаблон социально-правового взаимодействия. В нем отражаются исторически сложившиеся, наиболее влиятельные и устойчивые структуры национального правосознания и коллективного нерелексивного опыта, коллективных правовых представлений и стандартов поведения. Архетип является мотивационно-сюжетным стержнем формирования и развития национального стиля правового мышления» [7, с. 8].

Подобно и иным архетипам, в случае с охранительной правовой доктриной России, независимо от признания консервативных правовых идеалов позитивным правом, в национальном правовом менталитете сохраняются правовые архетипы, определяющие индивидуальное и общественное поведение. Изучение тысячелетней традиции России позволяет утверждать о сохранении в российской ментальности целого ряда охранительных правовых архетипов. Жизненность и актуальность таких традиционных ценностей обнаруживают данные социологических опросов, статистика преступности, активность в защите своих субъективных прав российскими гражданами. Байниязов, обращающий внимание на необходимость осмысления российского правового менталитета, отмечает: «Духовно-культурологическое восприятие российской ментальности позволяет выявить специфические черты ее психологии. К ним можно отнести иррациональность, алогичность, импульсивность, внушаемость, наивную идеалистичность, стремление к справедливости, терпимость, а также тесную связь с религиозными ценностями и др.» [2].

К традиционалистским правовым архетипам российского правосознания можно отнести:

- идеал правды-истины, справедливости;
- религиозность;
- соборность;
- добротолубие;
- нестяжательство;
- совесть;
- милосердие;
- переживание права как долга, самоограничения;
- иррациональность (интуитивность) в переживании права;
- монархическое правосознание;
- национальная и религиозно-культурная терпимость;
- культурная и правовая восприимчивость к чужому опыту и культуре.

Говоря об архетипах российской правовой культуры, М.Г. Тюрин отмечает: «К основным архетипам русской национальной правовой культуры, определившим развитие российской государственности и правовой системы, следует отнести: архетипы порядка, соборности, «Матери-Земли», «центра», «победы добра», «свой – чужой», «патриархальности», «симфонической личности», «героя». На различных уровнях архетипические структуры воспроизводят, в тех или иных формах и проявлениях, следующие основные элементы развития правовой культуры: модель социально-функционального отношения к частной собственности: целостность территории, ее физическое расширение и духовно-нравственное влияние как факт стабильности и развития российской государственности; симфоническое взаимодействие в системе «личность – общество – государство» и модель государственно-правового служения (правообязанности и социального тягла): превалирования внутренней социально-правовой организации над внешним юридическим нормированием общественных отношений; тенденция к социально-политическому единению в форме государства; доминирование ценностно-рациональных правовых установок, эмоциональной предрасположенности к духовности; стремление к защите с помощью права ценности социальной справедливости» [7, с. 9].

Для понимания роли и сущности права в российском правосознании необходимо учитывать традиционный архетип оценки права (закона) как средства разрешения социальных конфликтов, когда право выполняет свою охранительную функцию. Российское правосознание видит в праве исключительно охранительный институт и с опаской относится к расширению сферы правового регулирования. За расширением правового регулирования просматривается увеличение активности государства и подмена традиционных регуляторов формально-юридическими средствами. Р.В. Насыров, отстаивающий приоритет охранительной функции права с точки зрения российского менталитета, указывает на языковые корни данного архетипа: «В слове «закон» раскрывается пространство юрисдикции государства – «за коном», т.е. за пределами действия норм отдельных самоуправляющихся корпораций (общин, ремесленных объединений, купеческих гильдий и т.д.). Общеиндоевропейский корень «кон» имеет значение «начало, ряд, порядок». Парадоксально, но в значении этого концепта имплицитно содержится представление о каком-то «беспорядке», как основании, поводе сделать ссылку на закон. Назначение закона не обеспечивать социальную гармонию, а лишь реагировать на явные проявления зла и создавать внешние условия для реализации добра» [5, с. 144]. Российское правосознание стремится отдать должное праву как охранительному средству, не расширяя сферу его действия за счет сужения неформальных социальных регуляторов. Право не может заменить нравственность и не должно претендовать на такую замену, поскольку формализация и нормирование морали опасны и недопустимы.

Архетипы русского правового сознания срабатывают иррационально, спонтанно как озарение. В этом плане правовые архетипы не поддаются контролю и внешнему давлению. Правовые архетипы возрождаются, невзирая

на их тотальную чистку, опошление, мифологизацию. Так, как только колониальный гнет Индии пал, практически сразу в стране было восстановлено обычное право и национальное правосудие. Аналогично и в России, после крушения СССР, в национальном сознании стали восстанавливаться православная вера, традиционные социальные и правовые институты – казачество, соборные идеалы, неформальное правосудие и т.п. Правовые архетипы России показывают их живучесть, высокую энергическую природу и потенциал в сохранении и развитии духовности и государственности. Нередко, архетипы, не получая должного признания государством, содействия церкви и интеллигенции, могут принимать извращенные формы, даже криминального оттенка (корпоративная соборность в медицине, адвокатуре, прикрывающая факты непрофессионализма; тюремная субкультура; в конце концов, помощь в списывании на экзамене и т.п.).

Совестный, интуитивный механизм действия права обусловлен не знанием писаного права, а воспитанием, передачей традиции и божественным присутствием в душе человека [6]. В Новом Завете один из апостолов отмечал, что язычники, не зная завета, закона Бога, тем не менее, могут спастись, если живут в соответствии с духом Божественных заповедей, т.е. совестью. Ведь не случайно, что в большинстве правовых систем мира действует принцип «незнание закона не освобождает от ответственности». Данный принцип указывает на презумпцию знания права по его духу смыслу, на наличие в человеке закона совести, позволяющего не нарушать закон не в силу его знания, а в силу его присутствия в человеке.

Естественно, что в привычные методологические рамки исследования процесса действия права на основе государственного принуждения указанная интуитивная, совестная форма действия права не укладывается. Но от признания или отрицания данного факта не зависит то обстоятельство, что в традиционных правовых культурах именно такой добровольный механизм действия правовых и иных социальных норм является доминирующим. Так, в китайской и японской культуре весьма редко споры рассматриваются судами, что обусловлено доминированием неформальных институтов и норм разрешения социальных конфликтов. Поэтому заслуживают особого изучения в юриспруденции вопросы психологического действия права, правовых идеалов, роли совести в правовом регулировании, и в каком-то смысле переосмысления психологической концепции права Л.И. Петражицкого, обратившего внимание на интуитивную природу права.

Превалирование нравственного закона (заповеди) и совести над формально-юридическим законом очень точно передал К.П. Победоносцев в «Московском сборнике». Обер-прокурор Святейшего Синода писал: «Закон – с одной стороны правило, с другой стороны – заповедь, и на этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе. Основным типом закона остается десятисловие... Независимо от того, что зовется на новом языке санкцией, независимо от кары за нарушение, заповедь имеет ту силу, что она будит совесть в человеке, полагает свыше властное разделение между

светом и тьмой, между правдой и неправдой. И вот где, – а не в материальной каре за нарушение, – основная, непререкаемая санкция закона – в том, что нарушение заповеди немедленно обличается в душе у нарушителя – его совестью. От кары материальной можно избежать, кара материальная может пасть иногда без меры, или свыше меры, на невинного, по несовершенству человеческого правосудия, – а от этой внутренней кары никто не избавлен» [4].

Раскрытие природы внутреннего, автономного регулирования поведения человека на основе совести позволит иначе посмотреть на проблему правового нигилизма. В действительности российский правовой менталитет отвергает не право, правду, нравственные абсолюты, а идею господства формализованных юридических правил, исходящих от государства. Правильнее было назвать такое отрицание доминирования закона юридическим нигилизмом. Но за юридическим нигилизмом не кроется бесправия и анархии, так как регулятивные функции поведения человека выполняет его совесть, воспитанная в духе преклонения перед правдой – идеальным образом праведного и благочестивого поведения. Совершенно верно отмечают Э.В. Кузнецов и игумен Вениамин: «Если право отождествлять с законом, то в условиях тоталитарного государства правовой инфантилизм и нигилизм не следует рассматривать как некую деформацию и разрушение правосознания. Наоборот, невосприятие антиправовых законов свидетельствует как раз о сохранении правосознания, в основе которого лежит установка на справедливость, уважение естественных прав человека. Деформация правосознания, его разрушение начинаются именно с того момента, когда под влиянием порочной государственно-правовой практики в сознании людей закладывается привычка мириться с существующей несправедливостью. Правовой конформизм в такой ситуации выдается за «всеобщее уважение к праву», а уровень правосознания граждан определяется близостью (или отдаленностью) их правовой психологии к постулатам правовой идеологии» [3].

В результате отсутствие закона в переломные эпохи, или его несправедливость не влекут к беспорядкам по той причине, что охранительные нравственно-правовые представления удерживают человека от правонарушений, скатывания общества в хаос. Средствами регуляции в таком случае выступают не законы и сила принуждения, которые могут быть бессильны, а разделяемые обществом нравственные и религиозные ценности, действующие на уровне совести отдельных людей. В русской консервативной правовой мысли такой внутренний, совестный механизм действия права назывался «правда» (митрополит Иларион), «совесть» (К.П. Победоносцев), «интуитивное право» (Л.И. Петражицкий, Н.Н. Алексеев), «естественное право», «чувство правоты» (И.А. Ильин).

Правовым идеалом в отечественном традиционализме выступала не борьба за естественные права человека, а свободное, добровольное принятие человеком требований нравственно-правового характера. Приоритет консерваторами отдавался развитию духовности, правосознанию человека,

которое в эпохи кризиса и дефективности положительного права, обеспечивает сохранение порядка, мира и справедливости в общественной жизни. В таких случаях непосредственным регулятором жизни становятся не предписания формального законодательства, а наполненное высшими абсолютами правосознание личности.

Литература

1. Аксаков К.С. Собрание сочинений. Т. I. М., 1889. С. 56.
2. Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 38.
3. Кузнецов Э.В., игумен Вениамин. Кризис современного правосознания // Правоведение. 1994. № 3. С. 7.
4. Победоносцев К.П.: proetcontra. СПб.: РХГИ, 1996. С. 134-135.
5. Правосознание российского общества / под ред. В.В. Сорокина и А.А. Васильева. Барнаул: Азбука, 2014. 254 с.
6. Сорокин В.В. Совесть как элемент русского православного правосознания // Государство и право. 2011. № 6. С. 22-27.
7. Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.
8. Флоровский Г. Вечное и преходящее в учении славянофилов // Г. Флоровский. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 40.